

Чу Юй вырос в застенках императорского дворца и покидал его стены лишь дважды: в первый раз — во время поездки в Юнчэн, и сегодня — ради праздника Сяюань. Вернувшись, он прихватил с собой коробочку изысканных румян, которую велел Чэнь Дэшуню немедля доставить во дворец Цися, а после призвал к себе Юньшэна.

Телохранитель почтительно преподнёс ему список.

— Здесь перечислены имена всех цзюйжэней, прибывших по рекомендации в академию Шаньсюэ при поместье канцлера.

Он, восседая на мягкой кушетке, принялся вдумчиво изучать записи. В свитке было подробно изложено всё: возраст, место рождения и происхождение каждого ученика.

Цзи Линьси.

Стоило перевернуть страницу, как это имя тут же бросилось в глаза.

Цзеюань Цзинчжоу, выходец из академии Юэтянь города Юнчэн. Поступил туда год назад, блестяще выдержал уездные и окружные испытания, после чего по протекции вице-префекта Цзинчжоу прибыл в столицу. Ныне состоит компаньоном по учёбе при молодом господине Ван Чии.

Рядом красовался небольшой набросок.

Человек на портрете обладал чертами на редкость благородными и утончёнными, во всём его облике сквозила истинная книжная статья. Он ни капли не походил на того заурядного, едва приметного льстеца из Юнчэна, чей вкрадчивый вид вызывал лишь досаду.

Пальцы Чу Юя, сжимавшие край бумаги, на мгновение замерли. Он медленно дочитал до конца, затем закрыл список и поднёс его к пламени светильника. Огонь жадно слизнул бумагу, превращая её в серый пепел.

— Цзи Линьси... — негромко повторил он.

В полумраке за нежно-розовым пологом драгоценная наложница Ань, мирно спавшая в объятиях императора, внезапно вздрогнула от резкого звука. Разомкнув веки, она обеспоенно взглянула на супруга.

Чу Цзин только что проснулся и, заходясь в сухом кашле, судорожно пытался перевести дух.

— Ваше Величество! — она поспешно поднялась, выхватила из-под подушки шёлковый платок и, поддерживая императора, протянула его ему.

Чу Цзин прижал ткань к губам. Откашлявшись, он скомкал запятнанный платок и отбросил его за полог, после чего обернулся к встревоженной женщине.

— Ничего страшного, — успокоил он её. — Просто внезапно запершило в горле. Теперь всё прошло.

Ань Янь всматривалась в это лицо, некогда обладавшее ослепительной красотой. Она помнила времена, когда император был молод, когда в его очах пылало пламя великих амбиций, а за один его взгляд были готовы сражаться сотни знатных невест столицы. Теперь же от того бывшего величия не осталось и следа: виски припорошила седина, в уголках глаз залегли глубокие тени морщин, а во всём облике сквозила лишь неизбывная усталость.

Впервые ей по-настоящему открылось: Ваше Величество... стареет.

— Спи, — выдохнул Чу Цзин, вновь увлекая её за собой в постель.

Наложница Ань прильнула к нему, но сон больше не шёл. Её пальцы бережно коснулись плеча императора, а голос зазвучал сладко и вкрадчиво:

— Ваше Величество, в последнее время наш Суй'эр делает большие успехи.

Чу Цзин накрыл её ладонь своей и, не размыкая глаз, отозвался:

— Да, он и впрямь повзрослел. С тех пор как те птицы, которых я ему подарил, издохли, он перестал только и делать, что играть, и усерднее взялся за книги.

— Ваше Величество... мне страшно.

— Чего же ты боишься?

Она прижалась к нему ещё теснее:

— Императрица ненавидит меня всё сильнее. Я боюсь... что, когда наследный принц взойдёт на престол, она не пощадит ни меня, ни Суй'эра.

Чу Цзин понимал, что её страхи не беспочвенны. Гунъе Нин давно лишилась последних

остатков любви к нему; в её душе остались лишь горечь и лютая ненависть к Ань Янь. Ныне императрица вложила все свои надежды в сына, уповая на день его коронации. И как только Чу Юй станет императором, его мать наверняка обрушит свой гнев на тех, кого считает предателями.

Он ласково погладил наложницу по плечу:

— Не бойся. Я не позволю ни императрице, ни принцу причинить вам вред.

Ань Янь лишь закусила губу. Совсем не эти слова она жаждала услышать. Её сердце успокоилось бы лишь в том случае, если бы Чу Цзин объявил о низложении наследного принца и провозгласил её сына преемником. Только тогда она обрела бы покой.

Однако император уже не раз говорил ей, что смена наследника без веской причины пошатнёт основы государства и лишит трон поддержки народа. Он просил её не торопиться, а стоило ей заговорить об этом вновь, лицо его омрачалось недовольством. Осознав это, женщина в последнее время вела себя осторожнее.

Светильник за пологом едва мерцал, тишина вновь воцарилась в покоях. Лежа в объятиях императора, она невольно погрузилась в воспоминания.

В юности они с императрицей были неразлучными подругами, не имеющими друг от друга тайн. Но после внезапной кончины матери её отец взял новую жену, и жизнь Ань Янь превратилась в кошмар. Мачеха была сурова и жестока, постоянно подвергая её унижениям. Дочь высокопоставленного министра в собственном доме жила не лучше безродной служанки. В те горькие дни Гунье Нин, ещё не ставшая принцессой, часто навещала её, привозя серебро и новые платья.

Поначалу она была искренне благодарна. Но потом в её душе проросли обида и зависть.

Они обе были дочерьми знатных родов, обласканными судьбой, но Гунье Нин досталось всё: её мать была жива и крепко держала в руках бразды правления в доме князя-защитника, сама Нин не знала забот и рано стала невестой наследного принца. А что было у неё? Ничего. Она была вынуждена, словно собака, ластиться к мачехе, чтобы вымолить хоть каплю покоя. И последней каплей стало известие, что её хотят выдать замуж за разорившегося дворянина, погрязшего в пороках и долгах.

Узнав об этом, Гунье Нин, уже ставшая супругой наследного принца, забрала её в своё поместье, пообещав во что бы то ни стало найти для неё достойного мужа. Именно в те дни Ань Янь впервые увидела Чу Цзина — блистательного, одарённого наследника престола. Она видела, сколь безгранично он обожает свою жену, и видела, сколь безоблачно счастье подруги.

Она пыталась совладать с собой, твердила, что не хочет причинять боль подруге детства, но ядовитая злоба переполняла её. Ей хотелось отнять у Гунье Нин всё, сбросить её с пьедестала

в ту же грязь, в которой барахталась сама. Казалось, только став столь же жалкой, Нин сможет понять её, и Ань Янь больше не придётся принимать это снисходительное, высокомерное милосердие.

Месяц спустя Гунье Нин пришла к ней в покои, сияя от радости, и принесла несколько портретов знатных юношей, предлагая выбрать суженого.

Ань Янь смотрела на них, но каждый казался ей ничтожным в сравнении с Чу Цзином. И тогда она, не выдержав, вкрадчиво предложила остаться с подругой на всю жизнь: если она станет второй супругой принца, они никогда не расстанутся.

Гунье Нин отказала ей наотрез.

— Янь-эр, я люблю Чу Цзина. Я не желаю ни с кем его делить.

— Сестра Нин, но ведь он — наследный принц, будущий император! У него всё равно будет множество женщин! Тебе не удержать его в одиночку. И раз уж делить его неизбежно, почему бы не со мной? Став твоей опорой, я всегда буду на твоей стороне. Мы вместе будем править гаремом, и никто не пошатнёт нашу власть. Разве это не благо?

Как она ни убеждала, Гунье Нин осталась непреклонна.

«Лучшая подруга», — с горькой усмешкой думала Ань Янь. — «Неужели она и впрямь вообразила, что сможет вечно владеть его сердцем без посторонней помощи?» Раз уж та не желала делиться добром, она решила взять своё силой.

Когда в покои с грохотом распахнулась дверь, Ань Янь, полуодетая, спряталась в объятиях Чу Цзина. Гунье Нин смотрела на неё глазами, полными слёз и немного ужаса.

Став наложницей, она пыталась наладить связь, посылая подарки, но те возвращались к ней разорванными в клочья. Даже когда она простояла всю ночь на коленях в снегу, умоляя о прощении, императрица ни разу не взглянула в её сторону. Лишь Чу Цзин, узнав о её муках, поспешно забрал её в тепло и призвал лекарей.

С того дня она знала: отныне они — враги.

И эта вражда закончится лишь тогда, когда одна из них перестанет дышать.

— Бедствия Поднебесной более всего укореняются тогда, когда воцаряется мнимый покой, скрывающий под собой нежданные тревоги. Если безучастно взирать на перемены и не

готовить почву, можно дожидаться часа, когда спасение станет невозможным...

Ван Чии слушал эти заумные рассуждения старого учителя, едва сдерживая зевки. Тем временем Цзи Линьси, сидевший рядом, обратился в слух; его кисть без устали летала над бумагой.

В провинциальных школах Юнчэна вряд ли нашёлся бы наставник, способный столь глубоко и вдумчиво анализировать великие труды прошлого. Улучив момент, пока старец прикладывался к чаше с водой, Линьси бросил презрительный взгляд на сонного Ван Чии. Но стоило наставнику обернуться, как он тут же толкнул своего покровителя локтем и участливо прошептал:

— Господин, очнитесь же, скорее!

Ван Чии разлепил веки и, подавляя раздражение, заставил себя слушать дальше.

С этим стариком шутки были плохи. Некогда он обучал самого императора, а ныне, отойдя от дел, согласился наставлять Ван Чии лишь потому, что канцлер заплатил баснословную цену. Если бы юноша повёл себя с ним так же дерзко, как с прежними учителями, отец содрал бы с него три шкуры.

Видя, что его господин пришёл в себя, Линьси, знавший, что толку от этого слушания не будет, вновь погрузился в свои записи.

Поместье канцлера и впрямь оказалось для него золотой жилой. Всего за несколько недель его умение составлять трактаты и рассуждения заметно возросло. Теперь оставалось лишь дожидаться экзаменов. Стоит только избавиться от этого никчёмного Ван Чии, и он, Цзи Линьси, впишет своё имя в список победителей первого ранга. Тогда он окончательно сбросит чешую простолоудина и превратится в истинного дракона, перекраивая саму судьбу.

Ночью, вернувшись в свои покои, Линьси сел за стол. Тусклый свет свечи ложился на решётчатые окна. Закончив правку сочинения для Ван Чии, он с головой ушёл в собственную работу. Стол был завален листами, исписанными плотным, чётким текстом. Прежде его почерк напоминал куриные следы, но теперь он овладел каллиграфией в совершенстве. Его письмо стало ясным, уверенным, в каждом штрихе чувствовалась сила и изящество.

Когда усталость начинала брать своё, он распахивал окно, впуская в комнату ночную прохладу. Линьси грезил о том дне, когда он в лучах славы предстанет перед возлюбленным, и как тот посмотрит на него — с восхищением и трепетом. Эти видения давали ему силы вновь склониться над бумагой.

Лишь пройдя через горнило суровых испытаний, можно обрести власть и заключить в объятия прекрасную мечту.

<http://bllate.org/book/15344/1416918>